

(τοβλδον)¹⁵. Идея эта выглядит вполне убедительной, так как перевозка грузов являлась одним из традиционных промыслов балканских владов и, кроме того, профессиональные военные в столь ответственный момент не стали бы поднимать шум по поводу отвязавшегося тюка. Но крик обозников подхватило все византийское войско, к которому, собственно, и относятся слова ἐπιχωρίφ γλώττη Феофилакта, — стало быть, оно тоже состояло из местных уроженцев.

В пользу этого говорит прежде всего описание этого войска в самом начале компании (*Theophyl.* II. 10. 8—9. P. 90. 1—11 De Boor), в частности из сообщения автора, что стратег Коментиол собрал войска в Анхиале, вполне можно сделать вывод, что речь идет не об экспедиционном корпусе, с которым тот явился во Фракию, а о заурядной региональной армии, состоящей из *limitanei* и *comitatenses*¹⁶, причем из 10 тыс. человек 4 тыс. оказались небоеспособными и потому отряжены были охранять лагерь. Чужеродным, т. е. небалканским, элементом в этой армии могли быть только букеллари (личная гвардия) Коментиола, число которых вряд ли было значительным. Не забудем также, что в это время на востоке шла уже не один год тяжелая, как всегда, война с Персией; что казна империи была истощена недопустимой расточительностью Тиберия и его преемнику Маврикию, в правление которого (582—602) произошел рассказанный Феофилактом эпизод, все время приходилось отчаянно экономить, что вызывало недовольство у армии и в конце концов стоило ему трона и жизни; что со времен Юстиниана на вторжения варваров из-за Дуная привыкли смотреть сквозь пальцы, предпочитая справляться с ними не оружием, а деньгами и дипломатическими интригами, благо Константинополь, Халкидика, Фермопилы и другие важнейшие города были надежно защищены укреплениями¹⁷; наконец, что Фракия издавна сама поставляла империи отличных солдат и для успеха там нужны были только деньги и хорошие полководцы, что, кстати, еще раз полностью подтвердилось в ходе войны с аvaraми.

Переходя к пункту 4 X. Михэеску (преобладание во Фракии греческих надписей), следует, как нам кажется, подчеркнуть то обстоятельство, что наряду с греческим языком довольно долго сосуществовал и собственно фракийский: еще в IV в. слова «на местном языке» означали здесь «по-фракийски», ср. недавно обнаруженное греческое житие Филиппа Гераклеийского (9 октября 304)¹⁸: χωρίον γιγνώστωρα παραγορευόμενον[υ] τῆς <> ἐγχωρίω διαλέκτω, ὁ μεθερμηγνεύετε ἑλληνιστῆ κλητόρων τόπος — «местечко

παράστῃμω не справился и такой компетентный византинист, как П. Шрайнер (ср. его перевод: «Den Ruf hörte nämlich die Menge, und sie namen ihn als ein Zeichen auf» usw. (*Theophylaktos Simokatta Geschichte / Obers. und erl. P. Schreiner. Stuttgart*, 1985. S. 82) (на этот пер. мне любезно указал Я. Н. Любарский).

¹⁵ *Năsturel P. S. Torna, torna, fratre. O problemă de istorie și lingvistică // Studii și cercetări de istorie veche. 1956. A. 7. 1—2. P. 179—188; Idem. Quelques mots de plus à propos du «torna, torna» de Théophylacte et du «torna, torna, fratre» de Théophan // Bb. 1966. T. 2. P. 217—222.*

¹⁶ О византийской армии конца VI в. см.: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 685 ff.; Teoll J. L. The Barbarians in the Justinian's Armies // Speculum. 1965. Vol. 40. P. 305—322; Тьпкова-Заимова В. Намештия и этнически промени на Балканите през VI—VII в. С., 1966. С. 36—51.*

¹⁷ Ср. эпизод с вторжением котригуров во главе с Заберганом в марте 559 г., когда варварам удалось проникнуть за Длинные Стены, но Велисарий с 300 всадниками сумел нанести поражение двухтысячному отряду; неудачным был и штурм Херсонеса, а за Дунаем возвращающегося с добычей Забергана уже поджидали предупрежденные Юстинианом утигуры (*Agath. V. 11—25*).

¹⁸ *Lochner-Hüttenbach F. Zum Ortsnamen Getistyron // Die Sprache. 1972. Bd 18/2. S. 196—198. Рукопись датируется X в. Ранее этот пассаж цитировался по опубликованному в Acta Sanctorum лат. пер. Ср.: *Бешевлиев В. Проучвания... С. 55* (там же лит.).*